

ВИКТОРИЯ ШМАКОВА

Ад
гонится
за мной

18+

Виктория Шмакова

Ад гонится за мной

<https://litres.ru/73778066>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двенадцатилетняя Ангелина нежеланный ребенок, она ненавидит свою семью и проклинает весь свой род. Девочке пришлось перейти на домашнее обучение из-за травли в школе, но родной дом превращается в тюрьму, ей приходится терпеть моральное и физическое насилие от своих родителей. Спасается она фантазиями и наблюдениями за чужими людьми, которые интереснее, чем собственная семья. Но настоящее освобождение придёт лишь тогда, когда Ангелина убьёт своих родителей.

Содержание

1	4
2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Виктория Шмакова

Ад гонится за мной

1

Ад гонится за мной, хватает за ноги, плюёт мне в спину, инфернально гогочет, я затылком ощущаю на себе его злое- щий взгляд. Еще немного и он схватит меня своими когти- стыми конечностями, утащит обратно в пекло, в преиспод- нюю. Я обречена на вечные страдания, на чудовищные муки, на зверские истязания. Почему душа бессмертна? Душа тре- бует от меня чувств, если её не будет во мне, я буду безмерно счастлива. Я желаю ей гибели, я хочу разорвать её на куски! Я больше не вынесу боли, я не смогу успокоить её оглуши- тельный плач. Мне нет дороги назад, у меня нет ничего, у меня нет никого, у меня нет дома, нет корней, нет прошло- го и настоящего. У меня есть только путь в будущее, путь к свету, путь к раю. Чёрт, я ведь даже не знаю, что есть рай, но я его чувствую. Рай – это то, что заставляет трепетать сер- дце, то, что с радостью поглощает человека целиком, то, что заставляет умиротворенно улыбаться. Рай – это мир, покой и гармония в душе человека, это отсутствие адского зловон- ного дыхания за спиной. Ад – это вершина безобразного, это горечь и страдания моей искаженной души. Ад, как капля

яда, попал в мою когда-то невинную и безмрачную душу и выжег в ней всё, всю мою жизнь. И вот ад гонится за мной, а я бегу туда, я бегу обратно в сторону рая.

Какую боль может вынести человек? Как и чем её можно измерить? И я сейчас не говорю о боли, которую именуют физической, я говорю о боли духовной. С физической всё довольно просто: человек не стерпит пули в лоб, не вынесет прикосновения огнём, не выживет, спрыгнув с высоко-го этажа или если его переедет поезд. От боли в душе человек не может резко умереть. Душевная боль – это медленная смерть, чтобы вынести её нужно иметь невероятное терпение.

Я понятия не имею, как мне себя вытаскивать из этого злосчастливого места. Это место находится глубоко в моей душе. Я теперь навсегда одинока. Хотя я ищу спасения в любви, бегу к ней, но понимаю, что не смогу никого к себе подпустить, и это совсем не глупые малолетние речи, я считаю, что юношеские громкие слова содержат в себе неведомую силу, они заряжены энергией, а где энергия, там магия. Любые юные слова обожания или проклятия вдвойне правдивы и красивы, потому что они чисты, потому что они не замараны нормами и запретами великовозрастных и бессердечных умов.

Да, мне стоит искать спасения в любви. Не важно, где её я буду искать: в себе, в другом человеке, в бескрайней Вселенной – это всё не важно. Любовь – это единственное спасение

от нескончаемого в жизни кошмара, это надежда, это свет маяка для тонущего в шторме корабля, это тепло исходящее от спокойно горящего костра. Любовь там, где человек хочет спрятаться от этого мира.

– Собирайся быстрее, копуша! – злобно и нервно выстрелила из себя Мария Романовна. – И нечего так на меня смотреть! Мне еще нужно успеть сбегать по своим делам, а ты возишься сидишь, как завтра надо! А ну, давай сюда свои ботинки! Давай ногу! Ни черта не слушаешься, говорю же быстрее!

Мария Романовна стала спешно обувать свою дочь Ангелину. Нельзя сказать, что она была непослушной и неторопливой, но в данную минуту, она как будто специально медлила, смотрела в пол и ухмылялась. По ней видно было одно: она-то точно никуда не торопится.

– Мам, отвали от меня, я не маленькая, я могу собраться сама! Меня бесит, что ты на меня орешь! – раздраженно ответила она матери.

– Хочу и ору! Поговори мне еще тут! Не выросла, зараза ты эдакая! А ну, живее, напяливай тогда сама, раз такая взрослая! – Мария Романовна встала, резко поправила черную юбку, которая была ей немного ниже колена, и с обидой отвернулась от дочери, пробубнив: – И за что мне такое наказание?

– За всё хорошее, – с горечью в голосе прошептала Ан-

гелина, с силой застегивая молнию на ботинке. Она с такой злобой дернула застежку, что бегунок с хрустом слетел с молнии и оказался в её влажной от волнения ладони.

– Да что же это такое? – мать Ангелины начала краснеть от увиденной картины, – Что за ребенок! У меня слов нет! – Мария Романовна истерично взвизгнула, крутанулась на каблуке и вылетела из школьной раздевалки. Ангелина положила бегунок в карман, покачала головой, чувствуя как защищал её нос от накатывающихся слёз, вздохнула и пошла следом за матерью. С вахты раздавались голоса:

– Я не понимаю, почему она такая! Моя дочь для меня загадка! Можно же быть послушной и милой девочкой, я что, много требую?

– Ох, у детей постоянные кризисы, себя вспомните, всегда ли вы слушались своих родителей? – иронично и мягко спросила вахтерша, тучная женщина лет пятидесяти, имени которой никто не знал.

– Да я в её годы картошку на огороде садила, грядки поливала, и уроки успевала делать, за сестрой следила, всё успевала! А потом я в комсомолки пошла! Сколько же раньше отрядов было, у-у-у, всё в радость! Юные ленинцы! Юные техники и натуралисты! Строительные отряды! Патриотическое воспитание было! А сейчас большинство родителей не знают, чем занимаются их дети после школы! Что и делать то нужно, не понимаю, не уследишь за ними, вот как их воспитывать? – Мария Романовна, размахивая руками, лихора-

дочно рассказывала о тяготах своего детства, не заметив, что дочь давно стоит за её спиной.

– Мам, ты же торопилась...

– Точно! Ну всё, до свидания, мы побежали!

– До свидания! – отозвалась вахтерша. – До завтра, Ангелина, не грусти. – тихо подбодрила девочку она.

Она промолчала, лишь кивнула и смущенно улыбнулась женщине, которую она больше никогда не увидит. И грустную девочку, шаркающую ботинком, вахтёрша тоже больше не увидит.

Улица встретила их легкой изморосью и сумерками. Приближался октябрь. Мария Романовна распахнула зонт, Ангелина нарочито отмахнулась от предложения матери идти под зонтом вместе. Так она и шла за матерью, хлюпя ботинком. В уме она наивно сравнила промозглую погоду со своим сегодняшним хмурым настроением, она подумала, что учительница по литературному чтению одобрила бы такой эпитет и сравнение. Ангелина росла девочкой гуманитарного склада ума, хоть и успевала по всем предметам, но литературу и книги она любила больше всего. Книжные друзья заменили ей реальных, а вымышленный мир шелестящих страниц заполнил настоящий. Когда она читала книги, то уходила в фантазии с головой. Отчего девчушка начинала то громко смеяться, то скакать по квартире, то шмыгать носом над судьбой бедной девочки, которую не спасло тепло

спичек морозной ночью. Ответы на все свои вопросы она находила привычными для себя способами, в привычном месте – на полках библиотек, среди святой тишины, среди древесных запахов, от которых она испытывала самые возвышенные чувства, а также тоску, что не хватит всего времени, чтобы прочитать все эти книги, не хватит времени, чтобы узнать всё.

Мария Романовна остановилась у здания, Ангелину не особо волновало у какого, она задумчиво осталась ждать мать на улице. В осени девчушка находила особое вдохновение, она была рада родиться в сентябре, когда желтеют клёны и берёзы, по её мнению, даже книги осенью читаются лучше. От мыслей в голове, она не заметила, как насквозь промокла, и про ботинок она тоже забыла.

– Господи, ты вся сырущая! Не хватало мне еще, чтобы ты заболела! Живо пошли домой! – посреди спокойствия как гром прогремел голос матери, её твердая рука вытащила её из светлых мыслей в реальность. Но размышления не отпустили. Ангелине скоро исполнится двенадцать лет, она шла и смаковала образы, она находилась в предчувствиях радости, представляла, какие подарки её ждут, кто придёт к ней в гости на праздник.

Путь домой был спокойным. Мария Романовна шла молча, но Ангелина, привыкшая к окрикам и одергиваниям, предчувствовала что-то неладное. Улица окончательно превратилась в мрак и тоску. Они шли по асфальтовой тропе, в

глубинах дворов, вдоль железных старых заборов с прутьями. Вокруг никого. Ангелина слегка отстала от матери, подобрала длинную ветку и стала стучать по забору. Стук равнялся шагу.

– Один, два, три, четыре... – шептала она, отсчитывая шаги. Желанного звонкого и яркого металлического звука, который бы раздражал округу, и в особенности мать, не раздавалось, от стуков слышалось только недовольное бряканье. – Двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать...

Она взглянула на шедшую впереди мать, её поступь была тверда и спокойна, её образ не выражал ничего. Когда мать злится и кричит, ребенок в ненависти хочет сбежать от неё, и противопоставить себя обрушившемуся на него гневу. Ребенок как зеркало отражает всё, что попадает в поле его зрения. Детская реакция на негатив незамутненная, она не задумана нормами правил и морали. Реакция взрослых отличается, они – утонувшие в манипуляциях беспомощные и дрожащие души. Игнорирующий родитель – это главный страх ребенка, ему кажется, что родитель всем своим видом показывает, что его не существует, что он ненужный и ничемный. Ребенку, который не прочувствовал родительскую любовь, тяжело находиться в мире и здраво принимать его, он ощущает жизнь беспросветной бездной. Спокойный путь прекратился со словами:

– Лина, больше никакой школы, теперь обучать тебя будем мы с отцом. Я договорилась, ты теперь на домашнем

обучении, завтра понесу документы. Никаких возражений, марш в подъезд!

В тот чертов день я возненавидела свою семью. Они стали мне заклятыми врагами. Я буду вести вечную войну с ними. Я спрашивала себя ежедневно о том, почему на меня это свалилось, почему в мире нет ничего светлого и божественного, почему я родилась в этой прокаженной семье? Даже больше! Семья – это слишком громкое слово для этого изуродованного изнутри рода, лучше б я не рождалась вовсе! Мои слова звучат примитивно, но не позавидуешь тому, кого гладят перед сном не теплые и ласковые руки, а мясистые ледяные конечности. Прикосновение рук моей матери не лечебно, оно ощущается как прикосновение когтистой смерти. Мне омерзителен её выпученный и тягостный взгляд, её переваливающаяся походка, её отвратительный гогот, мне в ней всё ненавистно. Её голос и смех заполняли не только всю квартиру, но и всю мою сущность. Даже если все люди в мире резко замолчат, я всё равно буду слышать это ужасающее ржание в своей голове. Моя мать меня полностью заполнила, она с издевкой смеётся надо мной. Даже после её смерти, это гоготанье будет эхом раздаваться во мне, куда бы я не пришла, какой путь бы я не выбрала, оно уже будет там.

Почему это случилось со мной? Почему это случилось со мной? Почему это случилось со мной?

– Мы дома! – протяжный вопль матери слышен был во

всём подъезде. – Раздевайся сама, и не строй такую рожу! Застёжка у тебя? Славно, попроси отца, чтобы сделал тебе ботинки, новые покупать я тебе не собираюсь. – Мать повесила куртку и направилась на кухню.

Зачем она мне вообще теперь нужна? В школу мне не надо, никуда не надо, буду гнить в этой вонючей квартире до конца времен. Запах из квартиры донесся знакомый – запах перегара. Вопль продолжился.

– Ты какого хрена в магазин не сходил? Я же тебе говорила! Сходи в магазин после работы и купи продуктов! Или для тебя купить продукты означает закупиться водярой? Да что ж вы за мрази то такие оба? Что ты, что дочь твоя! Сволочи! Сиди давай, не бубни, сама схожу.

Мама вылетела из дома, бубня что-то гневное себе под нос. Я прошла в квартиру. Отец лежал на диване в каком-то полубреду, лицо его исказилось от недовольства. Крепкий запах резвеивался по квартире из битого стакана. О чём можно просить пьяного отца, мам? Про какую застёжку ты там говорила? Да я лучше буду босиком ходить, чем буду просить помощи у этого отребья!

– О-о-о-ой! Ангели-и-иночка! Ангелочек мой! Мой котёночек! Иди обними папу!

Папа, почему в тебе нет ни капли уважения? Почему пьяные и провинившиеся люди говорят всегда так по-слащавому мерзко, приторно растягивая слова? Слушая такой противный тон, единственное, что хочется – это сделать всё на-

оборот. Когда зовут к себе, то хочется убежать. Когда проклинаяют и выгоняют – в слезах упасть на колени и просить прощения за все грехи. Я подошла к дивану, взяла тазик, в котором плавала неопишуемая вонючая масса, и пошла выливать её в туалет. Маленькие пространства меня очень успокаивают, особенно туалет. Ведь сейчас там нет ни матери, ни отца. Закрыв дверь, я прислонилась спиной к стене и очень долго смотрела в темноту. Я выпала из этой жизни. Я просто душевно отключилась. У меня не было никаких мыслей в голове, сердце не чувствовало ни злобы, ни отвращения. Сплошная пустота и чернота, они стали моими любимыми родственниками. На свой день рождения я бы хотела, чтобы вся моя родня сдохла!

– Хоть бы кто догадался кастрюлю с водой поставить на плиту! – раздался вопль с кухни, но он меня не трогал, крики стали для меня обыденностью и нормой. Я вышла из темноты, поставила тазик у дивана, прослушала стонущее пьяное мычание, и ушла делать уроки.

Этот кошмар продолжался очень долго. Я оказалась взаперти, но не унывала. Единственной моей радостью оставалась библиотека, на день рождения мне ничего не подарили, гостей не было, зато мать с отцом провели мой день рождения исключительно прекрасно – они оба напились. Училась я сама по учебникам, мне это даже понравилось, у меня не было контрольных, диктантов и тестов, мама иногда прове-

ряла мои тетради, но делала она это просто ради галочки. Иногда душу мою щемило, я хотела снова открыть школьные двери, почувствовать запах свежеекрашенных коридоров, мел на руках...

– Лина, в каком смысле ты хочешь обратно в школу? Ты в своём уме? Это всё ради твоего блага, девка умная, всё выучишь сама. Анастасия Александровна на днях придет и проверит, всё ли у тебя хорошо, не думай даже! Если уж так тебе напряжно, то шуруй в школу! Только толку-то от этого школьного образования, ничему там не учат, будешь вон после школы как твой отец, бутылки с ним собирать. Окстись, в себя приди, оно тебе надо? Да и сама говорила, что устала от травли... но это уже другое.

Чувствую себя отвратительно, в словах матери возможно и есть здоровое зерно, но она говорит с такой напускной и тупоумной важностью, как будто неопишущую вонючую массу из таза выплеснули мне прямо в душу. На разборки с родителями уходит много времени и сил, это как бороться с ветряными мельницами. Крутить негативные мысли в голове очень изматывающе.

– Ангел-и-и-иночка! – протяжный зов не спутает она ни с чем. – Что делаем?

Голос Юрия Семёновича выдавал его характер: скользкий, хитрый, надоедливый. Грубо и невнятно ответив отцу, Ангелина продолжала делать уроки. Отец вальяжно устро-

ившись в кресле, засвистел какую-то мелодию из кино, которое крутили по выходным. Он игнорировал гнев дочери, он желал, чтобы дочь побесилась.

– Ну что ты такая злющая-то, а, сладкая моя? – отец резко вскочил, подбежал к дочери, начал щекотать, целовать её шею, укутываясь в волосы. Ангелина завизжала, унеслась в прихожую, спешно одеваясь, выбежала из дома. Раньше такие отцовские игры приводили её в ступор, сердце колотилось, дышать было невозможно. Она очнулась лишь у проезжей части, у светофоров, сознание вышло из тумана. Она была слишком маленькой, чтобы куда-либо бежать.

Я пришла на берег реки, без сил села на скамейку. Мне нужно что-то делать с этим, нужно как-то бороться с этой грязью, нужно вскрыть этот гнойник. Я полна всепоглощающей ненависти и отвращения ко всему белому свету. Я ведь ничего не смогу сделать. Только утонуть в своих слезах. Я ведь даже дома учусь лишь потому, что все меня ненавидят, а я ненавижу всех. Мать устала от моего нытья и жалоб. Надо мною все насмеваются в школе. Ненавижу!

Я кинула камень в воду и что-то жуткое померещилось мне. Это не могло быть мое отражение. Я присмотрелась лучше в воду, зацепилась рукой за ветку ивы, прищурилась. Отражение посмотрело на меня внимательным и слегка отрешенным взглядом. Леденящий ужас унёс мои ноги от берега. Я не поняла, чего я испугалась, отражение в реке не

пыталось меня напугать, да и вид у него был совсем не ужа-
сающий, но что-то холодное почувствовала я, что-то сковало
мою душу. Я запыхавшись прибежала домой, мысли и туман
в моей голове поглотили меня, мне было всё равно на окри-
ки матери, и на отца, который опять в каком-то бреде лежал
на диване. Мне стало на них всё равно. Единственное, что
меня тревожило теперь – загадочный образ в воде.

2

– Посмотри вокруг! Посмотри на эти волны, посмотри, как яркое низкое солнце касается их, посмотри на камни, на которых ты стоишь, посмотри, как ветви деревьев красиво свисают над водой. Послушай, как заливаются птицы, сидя на этом древнем дереве, как они поют свои песни солнцу и всему живому. Если приглядеться повнимательнее, можно заметить, как плавают рыбки под водой. И все они нужны этой жизни, без них жизнь невозможна. Почему ты считаешь, что недостойна этой жизни? Ты её сама лучшая часть, ты – целое творчество.

Эти слова будто выбили почву из-под ног Ангелины и перевернули всё с ног на голову. Она не понимала, что это было и кого она видела, но точно знала, что она прикоснулась к дружбе и счастью. Спустившись к воде вниз по камням, она зачерпнула в руки журчащую речную воду, прикоснулась к воде так, как будто не верила тому, что всё это реально, что она не спит.

– Я ведь правда живу! – Ангелина резко огляделась по сторонам, боясь того, что её услышат, что кто-то спугнёт мимолётное счастье. – Я что? Сказала это вслух? – в истерическом восторге она прыснула со смеху, прикрыв припадочное хохотание руками. Так и заливалась она, стоя на солнечном берегу. – Это бред! Это бред!

Воодушевляющий голос замолк, она исчезла. В хохотании Ангелины почувствовалось болезненное одиночество. Она частенько стала приходить на берег, в ожидании её. Та ей стала подругой, вдохновляющей на жизнь.

Кто она – та? Та, которая заменяет отсутствие полнотой. Та, которая вселяет спокойствие. Та, которая поощряет к размышлениям. Та, которая близка к фантазии.

Вернувшись поздно домой, она легла спать, но долго не могла уснуть. Она целую вечность смотрела в окно. В глазах всё было мутно. Очертания мебели вдруг начали плыть. На столе, который стоял у окна, лежала древняя игрушка, и та начала увеличиваться в размерах, наплывать, ещё немного – и она раздавит комнату. На Ангелину напала усталость и тяжесть, она не могла пошевелиться. Это были странно-мутные ощущения: она попала в туннель, и как будто не поезд двигался в его сторону, а наоборот, туннель надвигался на стоящий поезд. Кромешная тьма из окна наплыла на Ангелину и утащило в сон.

Я спускалась в грязный, сырой и затхлый подвал по лестнице, которую облюбовали мхи и плесень. В руках у меня не было ни фонаря, ни свечи, кругом была темнота, которая сковала меня в страх. В глубине подвала виднелся слабый свет из далекого маленького окна. Под ноги то и дело кидались всякие мелкие камни, а за шиворот пыталась проскользнуть мелкая ледяная течь с потолка. Паника, которая

сидела у меня где-то в горле и не давала дышать, успокоилась, и я стала привыкать к темноте, я даже стала обретать уверенность, что ничего со мной плохого не случится. Только я не понимала одного: что я здесь делаю? Снова тревога начала трепетать, теперь уже в сердце. Я шла вперед, в сторону окна. Визг застрял в моём горле, на меня напала жуть. Я наступила на что-то скользкое и мерзкое – это была змея. Подпрыгнув, я рванула к окну, змея шустро ползла за мной. Тошнотворное создание поднялось и приготовилось к атаке. Я схватила с деревянного подоконника старую ржавую сковороду и с размахом треснула по голове змеи. Та не унималась, юркнула к ногам и прокусила мою лодыжку. Я зарыдала, снова и снова била змею по голове, вопила и снова била, пока голова змеи не превратилась в кашу.

– Долго спать то будем, царевна? – недовольно пропела Мария Романовна, открывая бежевые шторы, впуская осеннее солнце в комнату. Ангелина вздрогнула, страшный сон улетучился. – Я уйду на работу, чтобы все уроки сделала, поняла меня?

– Поняла. – как будто можно было ответить иначе...

Коричневый ковёр на стене, коричневое покрывало на кровати, коричневый деревянный комод, коричневый стол, коричневый пол – комната никогда не знала радостных оттенков. Единственная радость у Ангелины была только в том, что она немного может побыть дома одна. В одиноче-

стве можно спокойно думать, можно скакать на диване, можно танцевать и подпевать под любимую музыку, можно разговаривать и смеяться, можно ничего не бояться. Можно жить полной жизнью после того, как сделаешь уроки. Позавтракав овсяной кашей и пирогом, Ангелина запила еду небольшой баночкой колы. Над столом, на небольшой резной полочке, стояла икона Божьей Матери. Ангелина всегда боялась на неё смотреть, она вызывала у неё оцепенение и чувство, что этот пугающий и скорбящий взгляд святой следит за ней. Вот уж кто точно не одобрит прыжки на кровати. Банка из-под колы была выкинута в мусорку.

Ангелина резко встрепенулась, вспомнив вчерашний вечер и непонятный голос, который окутывал её, который заполнил всё пространство, который говорил внутри неё, который оглушал её, который шептал её на ухо самые нежные и прекрасные слова, которых она никогда не слышала в свою сторону. Была ли она достойна ли услышать такие слова? Чей голос говорил с ней?

Коричневая обстановка квартиры навевала тоску. Время пролетело быстро, уроки были сделаны, и Ангелина решила снова сходить на берег, но там её встретили переменчивая погода, мелкий дождь и отрешенный рыбак, стоящий по колено в воде.

– Девочка, шла бы ты домой, дождь сейчас совсем разойдется, – гулким голосом сказал рыбак. – Не ловит совсем, надо и мне идти домой.

Ангелина, улыбнувшись, кивнула рыбаку, и пошла обратно.

На меня накатила такая жуткая обида, моей новой подруги не было видно лишь потому, что там рыбачил этот разговорчивый мужик. Я хотела спросить её, почему она считает меня уникальной? Ведь я не особенная, я не искусство, я обычная. Зачем это великолепное существо, такое далёкое и близкое, меня обманывает? По пути я проходила мимо кладбища, и заметила троих старшеклассников. Они были одеты во всё чёрное и о чем-то спокойно беседовали. Голоса были такими тихими, будто боялись разбудить мёртвых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.